

О Т Ч Е ТЪ

объ экспедиції для собиранія русскихъ народныхъ пѣсень съ напѣвами

въ 1893 году.

Ѳ. М. Истомина и С. М. Ляпунова.

(Читано въ общемъ собраниі И. Р. Г. О. 10-го марта 1894 г.).

№ 13560

ОТЧЕТЬ Ѹ. М. ИСТОМИНА.

15 октября 1892 г. предсѣдателемъ Пѣсенной Комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Т. И. Филипповыемъ быть лично представленъ Государю Императору рукописный экземпляръ пѣсень, собранныхъ мною и покойнымъ Г. О. Дютшемъ во время первой пѣсенной экспедиціи въ 1886 году.

Успѣхъ этой экспедиціи вызвалъ особое Высочайшее благоволеніе къ дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ этомъ направленіи и Его Величеству благоугодно было даровать средства на изданіе собранныхъ пѣсень и на снаряженіе новой экспедиціи съ тою же цѣлью.

Во исполненіе таковой Высочайшей воли, пѣсни, собранныя первой экспедиціей, нынѣ изданы и новая экспедиція совершила истекшимъ лѣтомъ поѣздку по губерніямъ Вологодской, Вятской и Костромской.

Этнографическая задача состоявшейся экспедиціи вновь была возложена на меня, музыкальная же, за смертью Г. О. Дютша, возложена на члена-сотрудника Общества композитора С. М. Ляпунова.

Путь экспедици. Признавая полезнымъ для дѣла установить связь новой экспедици съ трудами предшествовавшей, мы, по предварительно составленному общему плану, начали свои изслѣдованія съ той части Вологодской губерніи, которая не вошла еще въ кругъ изслѣдованій экспедиции 1886 года.

13-го іюня 1893 г., выступивъ изъ Вологды, мы направились въ сѣверо-западную часть уѣзда и, обслѣдовавъ расположенные по берегу Кубенскаго озера 4 волости: Кубенскую, Новленскую, Березниковскую и Нефедовскую, къ 19-му іюня возвратились въ тотъ же городъ, а 20-го, пользуясь Двинскимъ пароходствомъ, прибыли въ Тотъму. За время съ 21-го по 29-е іюня обслѣдовали Тотемскій уѣздъ въ его наиболѣе удаленныхъ и глухихъ частяхъ, поѣхавъ на юго-восточной его окраинѣ волость Бабозерскую и на сѣверо-восточной—волость Бережнослободскую и такъ называемую Кокшѣнгу въ составѣ двухъ волостей: Шевденицкой и Спасской. Возвратившись снова въ Тотъму, на Двинскомъ пароходѣ, къ 5-му іюля, прибыли въ сѣверную пограничную съ Архангельскою губерніей часть Сольвычегодскаго уѣзда; обслѣдовавъ здѣсь Аeanасьевскую волость, направились къ югу земскою дорогой вдоль лѣваго берега Двины, съ остановкою для работы въ западномъ городѣ Красноборскѣ и окружающей его Ильинской волости; отсюда пройдя берегомъ Двины достигли, 10-го іюля, Сольвычегодска. По-работавъ здѣсь, къ 15-му іюля по почтовому пути прибыли въ Великій Устюгъ. Записавъ пѣсни въ городѣ, пригородной слободѣ Дымковѣ и совершивъ поѣздку въ Востровскую волость, въ 120 верстахъ вверхъ по теченію Двины, 25-го іюля направились къ югу по Никольской почтовой дорогѣ. Обслѣдовавъ на пути волость Городецкую, 29-го іюля достигли Никольска, гдѣ и работали до 3-го августа¹⁾), совершивъ, между прочимъ, поѣздку въ Кипшѣнгу, лежащую въ сторонѣ отъ нашего пути. Выѣхавъ 3-го августа къ югу по почтовой дорогѣ, 6-го числа были уже въ предѣлахъ Вятской губерніи. Обслѣдовавъ Киселевскую волость Котельничскаго уѣзда, 9-го августа проѣхали въ Навалихинскую волость, расположенную въ сѣверной части Орловскаго уѣзда, откуда 10-го числа прибыли въ Вятку. Записавъ здѣсь пѣсни изъ Селезеневской волости, 15-го августа выѣхали къ югу по направлению Нолинскаго почтоваго пути; обслѣдовавъ волость Кстининскую,

¹⁾ Здѣсь записаны пѣсни отъ жителя Семенковской волости Вологодскаго уѣзда.

вступили въ Нолинскій уѣздъ и, не доѣзжая города, свернули про-
селкомъ въ волости Чертыжевскую и Большеитинскую, откуда
18-го августа прибыли въ Кукарскую слободу Яранскаго уѣзда.
поработавъ здѣсь до 20-го числа, проселкомъ же чрезъ Водозер-
скую волость проѣхали въ Яранскъ, откуда черезъ западную, чере-
мисскую, часть этого уѣзда къ 26-му августа прибыли въ предѣлы
Костромской губерніи. Обслѣдовавъ Тонкинскую волость Вар-
навинскаго уѣзда и Новоуспенскую волость Ветлужскаго уѣзда,
чрезъ городъ Ветлугу снова вступили въ Варнавинскій уѣздъ и
обслѣдовали волость Туранскую. Затѣмъ, остановившись въ Онуф-
ринской волости Кологривскаго уѣзда, чрезъ городъ Унжу при-
были въ Макарьевъ, откуда сдѣлали поѣздку въ Верхненѣйскую волость,
расположенную въ сторонѣ отъ большой дороги, въ сѣвер-
ной части уѣзда. Слѣдя далѣе по почтовому пути чрезъ городъ
Кадый, остановились въ Семеновской волости Кинешемскаго уѣзда,
откуда, чрезъ Судиславль, 8-го сентября прибыли въ Кострому,
гдѣ и закончили экспедиціонныя работы, вслѣдствіе крайней труд-
ности дальнѣйшихъ передвиженій по почтовымъ и земскимъ до-
рогамъ, совершенно испорченнымъ и размытымъ дождями, непре-
рывно лившими въ теченіе всего августа мѣсяца.

Такимъ образомъ экспедицію обслѣдовано въ пяти уѣздахъ Вологодской губерніи 14 волостей: 5 въ Вологодскомъ, 4 въ Тотем-
скомъ, двѣ въ Сольвычѣгодскомъ, одна въ Великоустюжскомъ и двѣ въ Никольскомъ и сверхъ того 4 города: Красноборскъ, Сольвыч-
егодскъ, Великій Устюгъ и Никольскъ; въ 5 уѣздахъ Вятской гу-
берніи 8 волостей: по одной въ уѣздахъ Котельничскомъ и Ор-
ловскомъ и по двѣ въ уѣздахъ Вятскомъ, Нолинскомъ и Яран-
скомъ, и въ пяти уѣздахъ Костромской губерніи 6 волостей; изъ
нихъ двѣ въ Варнавинскомъ и по одной въ Ветлужскомъ, Кологрив-
скомъ, Макарьевскомъ и Кинешемскомъ. Всего же въ 15 уѣздахъ
трехъ губерній—28 волостей и 4 города. Населенныхъ мѣстъ въ на-
званныхъ волостяхъ вмѣстѣ съ городами обслѣдовано 37; изъ нихъ
21 въ Вологодской губерніи, 10 въ Вятской и 6 въ Костромской.

Общее протяженіе обслѣдованного пространства составляетъ
болѣе 2.600 верстъ, не включая сюда пути по Двинѣ отъ Вол-
гогды до Тотьмы и отъ Тотьмы до сѣверной части Сольвычегод-
скаго уѣзда, а также и пути отъ Петербурга до Вологды и отъ
Костромы до Петербурга. На разѣзды по Вологодской губерніи
приходится до 1.600 верстъ, по Вятской—500 верстъ слишкомъ
и около 500 верстъ по Костромской.

37 рабочихъ остановокъ на 2.600-верстномъ протяженіи даютъ въ среднемъ 70-ти верстное между ними разстояніе, въ частности значительно видоизмѣняющееся однако въ ту и другую стороны въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій.

Способъ собирания пѣсенъ. Предварительный планъ путешествія былъ составленъ лишь въ общихъ чертахъ. При выполненіи подробностей его, т. е. при выборѣ мѣстъ для остановокъ, мы по большей части руководились уже указаніями знатоковъ края изъ мѣстныхъ чиновниковъ и земскихъ дѣятелей, которые имѣютъ непосредственная сношенія съ народомъ. Иногда такія указанія приносили намъ существенную пользу, и при этомъ случаѣ нельзя не вспомнить съ благодарностью о всѣхъ, кто съ полной готовностью оказывалъ намъ возможное содѣйствіе.

Остановившись въ избранныхъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ селѣ или деревнѣ, мы прежде всего обращались къ мѣстнымъ властямъ, которые, по предъявленіи съ нашей стороны губернскихъ или земскихъ предписаній, немедленно выражали готовность исполнить все, что по указаніямъ написано необходимо было для успешнаго выполненія возложеннаго на насъ порученія. Послѣ этого мы вступали къ бесѣду о современномъ состояніи пѣсенного дѣла въ ихъ мѣстности и, хотя свѣдѣнія получались неутѣшительныя, бесѣда заканчивалась все-таки указаніемъ на десятокъ, а иногда и болѣе, крестьянъ и крестьянокъ, разумѣется уже не молодыхъ, которые слывутъ за пѣвуновъ и навѣрно помнятъ еще старыя дѣдовскія пѣсни. Такихъ пѣвцовъ и пѣвицъ мы и поручали собрать; при этомъ время выбирали свободное для крестьянъ и народъ для нашихъ занятій отъ работъ не отнимали. Такимъ временемъ были праздники, или вечерніе послѣ работъ часы, или же ненастные дни, когда народъ въ поле не уходитъ.

Послѣ долгихъ иногда ожиданій и томленій: явятся ли пѣвцы и внесутъ ли чтонибудь новое въ нашъ сборъ,—наступало наконецъ назначенное время и представители пѣсенного дѣла, въ сопровожденіи толпы однодеревенцевъ, входили въ нашу избу, крестились на иконы и, почтительно привѣтствуя насъ, останавливались въ недоумѣніи: для чего, молъ, могли понадобиться пѣсенники петербургскимъ заѣзжимъ чиновникамъ? Разъясненіе столь естественныхъ недоумѣній лежало обыкновенно на мнѣ. Дружелюбно отвѣтивъ на привѣтствія, я обращался къ собравшимся съ простою рѣчью, въ которой говорилъ приблизительно слѣдующее: «Не для потѣхи своей пригласили мы васъ, а для

того, чтобы вы пособили намъ сослужить важную и добрую службу. Неладныя нынѣ пѣсни поются въ народѣ. Ничего въ нихъ нѣть хорошаго—ни красоты, ни смысла, а чаще всего одно безстыдство. Такія ли пѣсни пѣлись встарину? И красота въ нихъ—любо послушать; и правды въ нихъ много: горе, такъ горе—сердцемъ чуешь; веселье—такъ душа радуется! Однако много ли осталось этихъ старыхъ пѣсень? Многіе ли ихъ помнятъ? А перерунуть старики и вовсе пропадеть это русское добро, о которомъ даже въ чужихъ земляхъ добрая слава прошла. И останутся въ народѣ однѣ новомодныя неладныя пѣсни и будуть по нимъ молодые учиться безстыдству. Этому горю надо пособить. И вотъ ученые русскіе люди надумали собрать, пока еще не поздно, хоть то, что уѣлъ, списать старыя пѣсни, напечатать ихъ въ книжку и тѣмъ закрѣпить ихъ на вѣки вѣчные. Самъ Государь соизволилъ одобрить это дѣло, Всемилостивѣйше даровалъ на то деньги и вотъ послали насъ разъѣзжать по деревнямъ, да собирать добрую стариинку на пользу общую. Не къ первымъ къ вамъ прѣхали мы и собрано уже не мало. Теперь до васъ дошелъ чередъ; порадѣйте и вы общему дѣлу, пропойте намъ, кто что припомнить, а мы спишемъ и напѣвы и слова, отвеземъ вами пѣсни въ Петербургъ, тамъ напечатаемъ и имена вами проставимъ. Придетъ книжка въ ваши школы; выучить старую пѣсню молодые, прочитаютъ знакомое имя, спасибо скажутъ и добромъ помянутъ васъ за хорошую науку...»

Послѣ такихъ рѣчей недоумѣвающія лица прояснялись, наступало оживленіе и раздавались сочувственные возгласы, что дѣйствительно совсѣмъ худыя поплы нынѣ пѣсни, а старая добрая пѣсня забываться стала, мало ктопомнить, да и тѣ давно ужъ не поютъ.

Наступали у пѣвцовъ длинные переговоры о томъ, какія бы пѣсни пропѣть, и нескончаемыя сваливанія другъ на друга разныхъ преимуществъ, дающихъ право первому запѣть пѣсню. Много проходило времени прежде, чѣмъ ктонибудь изъ пѣвцовъ послѣ напихъ уговоровъ и подбадриваній рѣшался, наконецъ, выступить первымъ. Пѣсню подхватывали другіе и дѣло начиналось. Какъ только заканчивали пѣсню, я сейчашъ же прочитывалъ вслухъ свою запись и спрапивалъ: вѣрно ли списалъ. Вѣрно, вѣрно! говорили изумленные пѣвцы и тутъ же убѣждались, что дѣйствительно дѣло не на шутку и не зря созвали ихъ пѣсть пѣсни.

Легче подбиралась вторая и третья пѣсня. Невольно водворялось затѣмъ пѣсенное настроеніе; всякія служебныя отношенія забывались и при общемъ воодушевленіи кипѣла общая сознательная работа, въ которой принимала участіе и толпа присутствующихъ, подсказывая пѣвцамъ ту или другую пѣсню. Но не безъ разбору принимали такие совѣты избранные пѣвцы. «Нѣть, то не старая пѣсня, говорилъ кто нибудь изъ нихъ, — не болѣе, какъ годовъ тридцать она поется; а вотъ пѣсня, — еще отъ дѣда я слыхалъ ее; то ужъ «столѣтны», «досельны пѣсни».

Весело и пріятно было работать заодно съ народомъ, особенно при удачномъ составѣ пѣвцовъ и хорошемъ подборѣ пѣсень. Но нужно было имѣть большой запасъ терпѣнія, чтобы выдерживать пытку, когда дѣло не ладилось и пѣсню за пѣсней приходилось браковать, но не прекращать работы въ надеждѣ услышать что нибудь заслуживающее вниманія.

Сознательно служа общему дѣлу, пѣвцы отдавали себя въ полное наше распоряженіе. Не смущались они нашей браковкою пѣсень почему либо неудачныхъ; охотно и старательно повторяли иногда по нѣсколько разъ одну и ту же пѣсню, если это нужно было для провѣрки записанного напѣва или словъ; терпѣливо выжидали они, покуда С. М. Ляпуновъ подлаживалъ записанныя мною слова подъ напѣвъ, имъ записанный. Во время этихъ промежутковъ, иногда шуткой, иногда дѣльнымъ замѣчаніемъ я старался поддерживать въ нихъ пѣсенное настроеніе. По шести, по семи часовъ подъ рядъ приходилось иногда высиживать у насъ пѣвцамъ, покуда не истощался весь запасъ ихъ памяти, и за все это время толпа не покидала своихъ представителей, съ сочувствіемъ и вниманіемъ слѣдя за нашей работой.

Женщины не такъ легко усваивали сущность нашей задачи и гораздо больше нужно было съ ними говорить, чтобы вызвать и ихъ сочувственное отношеніе, которое и выражалось иногда въ словахъ: «Што за оказія — старину стали подымать!» Большихъ трудовъ стоило уговорить ихъ начать дѣло; но разъ оно начиналось — безпрепятственное продолженіе было уже обеспечено. Бывали случаи, когда присутствовавшія въ толпѣ дѣвушки, увлекаемыя общимъ пѣсеннымъ настроеніемъ, выступали впередъ и съ успѣхомъ продолжали дѣло, начатое пожилыми.

Въ составѣ пѣвцовъ и пѣвицъ нерѣдко были крестьяне и крестьянки разныхъ, хотя и близкихъ деревень, но нѣсколько различно пѣвшихъ одинъ и тѣ же пѣсни, и дѣло вслѣдствіе этого не-

ладилось, пока не удавалось раздѣлить ихъ на отдельныя партии, съ которыми мы и работали посмѣнно: одни пѣли, другіе отдохали и въ это время припоминали и подбирали пѣсни получше и постарше.

Такъ шли наши работы съ пѣвцами и пѣвицами отдельно, причемъ въ составъ ихъ одновременно входило:—крестьянъ отъ 2 до 14, крестьянокъ—отъ 2 до 18; чаще же всего тѣхъ и другихъ было отъ 4 до 6. Записи пѣсень съ одного голоса были очень рѣдки, за исключеніемъ, конечно, былины, духовныхъ стиховъ и причитаний.

Всѣхъ пѣвцовъ прослушано нами 121 и пѣвицъ 101; всего же 222 человѣка.

По окончаніи работъ я записывалъ поименно всѣхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, обозначалъ лѣта ихъ и название деревни, въ которой они проживаютъ. Вслѣдъ за тѣмъ каждому пѣвцу и пѣвицѣ выдавалось жалованье—отъ 15 копѣекъ и до 1 рубля на человѣка, смотря по количеству народа и по качеству работы; сверхъ того дѣвушкамъ выдавались иногда незатѣйливыя конфекты. Выдача денегъ почти всегда являлась для крестьянъ совершенно неожиданною и довершала полное удовольствіе нашихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Иногда приходилось кого нибудь изъ поюющихъ отпускать раньше другихъ и выдавать ему жалованье. Это обстоятельство нерѣдко выдвигало изъ толпы новыхъ пѣвцовъ, не выступавшихъ раньше потому лишь, что ихъ не приглашали. Съ другой стороны, къ чести крестьянъ нужно сказать, что многіе изъ нихъ принимали деньги лишь послѣ усиленныхъ отказовъ.

Освободившись отъ такой своеобразной работы, крестьяне обыкновенно спѣшили вознаградить себя за трудъ немедленной выпивкой на случайный и неожиданный заработокъ. Вскорѣ деревня оглашалась размашистымъ пѣніемъ тѣхъ же пѣсень, но уже въ исполненіи далеко не представляющемъ удобствъ для ихъ записыванія.

Напутствуемые добрыми пожеланіями толпы и пѣснями подтулявшихъ пѣвцовъ мы направлялись къ мѣсту слѣдующей остановки, гдѣ и воспроизводили отъ начала до конца тотъ же самыи пріемъ.

Вотъ способъ записыванія пѣсень, которымъ мы пользовались почти исключительно.

Очень часто, и въ провинціи и здѣсь въ столицѣ, люди интересующіеся спрашивали насъ, какимъ путемъ удавалось намъ

добиться отъ крестьянъ пѣсенъ. «Вѣдь ужъ навѣрное, говорили они, вамъ нужно было подпаивать народъ, выставлять ему угощенье?»—Нѣтъ, не приходилось, отвѣчали мы, указывая на спосѣбъ, мною описанный.

Разумѣется, не трудно было, собравъ народъ, выставивъ ему полведра водки, разставить наливокъ и сластей для женщинъ, устроить пиръ и вызвать веселье, среди которого непринужденныя пѣсни запѣлись бы сами собой; оставалось бы слушать, да записывать. Дѣло достигалось бы скорѣе и проще; не приходилось бы тратить время на скучное толкованіе обѣ одномъ и томъ же въ 37 мѣстахъ, на безконечныя ожиданія, уговоры и пр. Но въ этомъ случаѣ наша цѣль едвали могла оправдывать предполагаемое средство. Въ задачи на насть возложенные никоимъ образомъ не могло входить завѣдомое поощреніе народнаго пьянства. Особыя условія нашей экспедиціи обязывали насть по возможности нести въ народъ здравыя начала и поощрять качества иного рода. При высокомъ положеніи, которое занимали мы въ глазахъ народа, грѣшило было бы не воспользоваться случаемъ, чтобы не внести въ него хоть искру сознательного добра. Не подобало намъ похищать пѣсни у полу пьяныхъ крестьянъ, оставляя на произволъ судьбы и тѣмъ какъ бы одобряя современное печальное положеніе пѣсенного дѣла. Напротивъ, все благопріятствовало тому, чтобы, ничѣмъ не прикрываясь, мы выступили передъ народомъ лицомъ къ лицу и вѣсскимъ словомъ указали бы ему его большое мѣсто. Но, сдѣлавъ такое указаніе, не слѣдовало оставаться на почвѣ безплодной проповѣди, а закрѣпить пробужденное сознаніе привлечениемъ самихъ же крестьянъ къ личному участію ихъ въ возможномъ устраненіи зла.

Одно высокое положеніе не могло еще въ этомъ случаѣ обеспечивать успѣха. Крестьяне, быть можетъ, безпрекословно, но и безсознательно исполнили бы «приказаніе», которое они не привыкли отдѣлять отъ высокаго положенія; но не къ этому мы стремились; намъ нужно было ихъ сознательное участіе, и оно оказывалось достижимымъ при сочетаніи нашего положенія съ простотой рѣчи и нашей доступностью народу. Крестьяне знали, что имѣютъ дѣло съ «высокими посланцами», но въ то же время видѣли передъ собой людей простыхъ, къ нимъ расположенныхъ, въ рѣчахъ которыхъ вместо ожидаемыхъ приказаний слышалось дружественное обращеніе и довѣрчивое приглашеніе «пособить общему дѣлу».

Эта неожиданность и это довѣріе располагали крестьянъ не только къ намъ, но и къ нашему дѣлу. Почуявъ довѣріе, они всячески старались его оправдать и этимъ явили многократныя доказательства того, что при открытомъ и довѣрчивомъ, но въ то же время умѣломъ обращеніи — съ русскимъ крестьяниномъ многаго можно достигнуть.

Нерѣдкая удача при нашемъ сборѣ этихъ «трезвыхъ» пѣсень во многихъ мѣстахъ, быть можетъ, самимъ же крестьянамъ на дѣлѣ доказала, что хорошая русская пѣсня не нуждается ни въ кабакѣ, ни въ пьянствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно надѣяться, что наши обращенія къ пожилымъ крестьянамъ въ присутствіи молодыхъ, если не во всѣхъ 37 мѣстахъ, то хоть въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, не останутся безслѣдными и для общаго положенія дѣла. «Вотъ это хорошо,» говорили, напутствуя настѣ, пожилые крестьяне, «теперь и намъ будетъ на что упереться, какъ моло-дежь шибко забалуется!»

Одинъ изъ существенныхъ недостатковъ, который не лише имѣть въ виду при будущемъ примѣненіи этого способа собира-нія пѣсень, характеризуется сочувственными словами нашихъ пѣв-цовъ: «Эхъ, кабы заранѣ! Вдругъ всего не вспомнишь...» Но и этотъ недостатокъ до извѣстной степени восполнялся при общихъ и дружныхъ усиленіяхъ всѣхъ собравшихся передъ нами крестьянъ.

Опытъ двухъ экспедицій и неоднократныя наблюденія надъ населеніемъ, по крайней мѣрѣ сѣверныхъ губерній Россіи, привели меня къ убѣжденію въ наибольшей цѣлесообразности при-нятаго нами способа собира-нія пѣсень предпочтительно передъ другими, примѣнявшимися въ прежнее время.

Нынѣшняя осмотрительность народа и подозрительность въ обращеніи съ неизвѣстными ему людьми не обѣщаютъ успеха собирателю пѣсень, если онъ подъ видомъ частнаго любителя задумалъ путешествовать изъ села въ село, въ надеждѣ на осо-бенное расположение крестьянъ къ частному человѣку. Прежде всего онъ встрѣтилъ бы опросъ, что за человѣкъ, есть ли пам-порть и во всякомъ случаѣ былъ бы препровожденъ къ мѣстной власти. Съ другой стороны, при современномъ упадкѣ старинной пѣсни, безплоднымъ оказалось бы даже продолжительное прислуши-ваніе къ случайному пѣнію народному. Хорошую старую пѣсню рѣдко гдѣ удается нынѣ подслушать случайно; въ народномъ обиходѣ такихъ пѣсень теперь почти нѣтъ, ихъ можно услышать лишь по заказу, и то съ трудомъ вызывая изъ памяти людей пожилыхъ.

Поневолѣ нужно убѣждаться, что всѣ эти пріемы были доступны лишь въ доброе старое время; теперь же необходимо счи-таться съ новыми условіями народнаго быта и, примѣняясь къ нимъ, искать новыхъ пріемовъ. Способъ, которымъ пользова-лись мы, является посильнымъ опытомъ разрѣшенія этой нелег-кой современной задачи.

Итоги собранныхъ матеріаловъ. Описанный способъ доста-вилъ намъ слѣдующій сборъ: мною записано 278 пѣсень разнаго наименованія и С. М. Ляпуновымъ 266 соотвѣтствующихъ имъ наимѣнованій. Сюда вошли 10 духовныхъ стиховъ, 1 былина, 7 колядъ, 21 прічитаніе, 49 свадебныхъ пѣсень, 64 хороводныхъ и 126 про-тяжныхъ. Изъ общаго числа 155 пѣсень записаны въ Вологод-ской губерніи, 61 въ Вятской и 62 въ Костромской.

Изъ 10 духовныхъ стиховъ 3 записаны въ Тотемскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, 5 въ Яранскомъ уѣздѣ Вятской губер-ніи и 2 въ Кологривскомъ уѣздѣ Костромской губерніи. Изъ 2 нашихъ пѣвцовъ и 3 пѣвицъ только 2 пѣвицы были зрячія, изъ нихъ одна сопровождаетъ слѣпого мужа, остальные—слѣпцы или темные, какъ они себя называютъ.

Въ Вологодской и Костромской губерніяхъ этотъ родъ пѣсно-пѣній носить название стиховъ, въ Вятской же называется про-пѣвами и составляетъ специальность такъ называемыхъ Сун-скихъ¹⁾ или вятскихъ нищихъ, которые въ качествѣ калѣкъ: слѣпыхъ, хромыхъ, безрукихъ и безногихъ образуютъ огромныя сбороища и сопровождаются многочисленныя въ Вятской епархіи хожденія съ иконами. Въ силу обычая, присутствіе нищихъ въ этомъ случаѣ признается настолько необходимымъ, что для пе-редвиженія ихъ изъ села въ село слѣдомъ за иконами на мѣрской счетъ снаряжаются по нѣсколько подводъ. Вятскіе нищіе отдѣль-ными партіями нерѣдко уходятъ и за предѣлы Вятской епархіи, распѣвавъ свои пропѣвы въ болѣе или менѣе извѣстныхъ обите-ляхъ и пустыняхъ, привлекающихъ къ себѣ многочисленныхъ бо-гомольцевъ.

Единственная, при всей тщательности розысковъ, былина за-писанна въ Тотемскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи. Весьма инте-ресная по новизнѣ своего содержанія былина эта, повѣствующая о борьбѣ Ильи Муромца съ царемъ Куркасомъ, къ сожалѣнію, не представляется, по мнѣнію С. М. Ляпунова, большого интереса

¹⁾ Сунская волость въ Нолинскомъ уѣздѣ Вятской губерніи.

въ музыкальномъ отношеніи. Ее пронѣль намъ крестьянинъ Роменской слободки, Бережно-слободской волости, 67-ти лѣтній старецъ Александръ Ивановъ Безвытной.

Коляды записаны нами въ Вологодской губерніи, изъ нихъ 5 въ Великоустюжскомъ уѣздѣ и 2 въ городѣ Никольскѣ.

Въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія Этнографіи въ 1892 году И. А. Шляпкинъ, сообщая о поѣздкѣ своей въ городѣ Устюгѣ, между прочимъ указалъ на былину: «По морю, морю Хвалынскому» и т. д., записанную имъ отъ устюжского каменщика И. Ф. Говорова, по словамъ которого былина эта распѣвалась прежде въ Устюгѣ, какъ коляды на Рождество.

Воспользовавшись этимъ интереснымъ указаніемъ, мы разыскали Говорова, оказавшагося кровельщикомъ, проживающимъ въ пригородной устюжской слободѣ Дымковѣ, и на ряду съ другими пѣснями записали отъ него двѣ коляды, изъ которыхъ одна и составляетъ былину, записанную г. Шляпкинымъ. Въ селѣ Бобровскомъ, въ 120 верстахъ отъ Устюга, наши пѣвцы, въ составѣ 14 человѣкъ, пролѣли одну изъ колядъ, записанныхъ отъ Говорова, которую они назвали малымъ колядѣмъ, и новую коляду—великое виноградье; тамъ же записаны двѣ колядныхъ припѣвки—вступительная и заключительная. Въ городѣ Никольскѣ, мальчики пропѣли намъ одно изъ малыхъ виноградій вмѣстѣ съ особыми вступительными словами и заключительную припѣвку.

При ближайшемъ ознакомлѣніи съ этими колядами нужно прийти къ заключенію, что онѣ лишь нѣкоторыми чертами своего содержанія напоминаютъ былину, составляютъ, однако, совершенно особый родъ великорусскихъ пѣснопѣній.

Судя по твердости, съ которой держится коляды въ памяти Говорова и Бобровскихъ пѣвцовъ, она еще не такъ давно была въ обычай устюжанъ. Въ Никольскѣ колядуютъ теперь только мальчики, но въ Устюжскомъ уѣздѣ, по рассказамъ нашихъ пѣвцовъ, коляды въ прежнее время были достояніемъ и взрослыхъ людей.

Съ Рождества до Крещеня, часу въ восьмомъ вечера, собиралась толпа взрослыхъ колядниковъ, въ городѣ и большихъ селахъ достигавшая иногда до 100 человѣкъ, и колядовала передъ окнами домовъ, возя съ собой на дровняхъ огромную звѣзду или вертепъ, сооруженный изъ дерева и разноцвѣтной слюды, освѣщаемой извнутри зажженою свѣчей. Послѣ вступительныхъ колядокъ, начинающихся словами: «Пришель еси къ воротамъ. Дома ли хозяинъ» и т. д., какъ въ селѣ Бобровскомъ, или: «Ты позволь,

позволь, хозяинъ, коляду намъ разсказать», какъ поютъ въ Никольскѣ,—колядники исполняли виноградъя: «Ужъ мы ходимъ, мы ходимъ по Кремлю городу» и т. д., или: «Ужъ какъ по морю, морю, по синему» и т. д. Великое виноградье: «Среди сильна царства Россейскаго, среди кремля Красна города» и т. д. пѣлось только наканунѣ Новаго года. Коляда исчезаетъ этими виноградьями, распѣвамыми вездѣ на одинъ напѣвъ; другихъ колядокъ не существуетъ, за исключеніемъ лишь вступительныхъ припѣвовъ къ нимъ и заключительныхъ—на тотъ случай, когда не подадутъ колядникамъ, или «худо подадутъ». Въ устюжскомъ уѣзда въ такихъ случаяхъ припѣвали «кота», содержащаго въ себѣ нѣкоторую угрозу скупой хозяйкѣ; въ Никольскѣ же мальчики припѣваютъ «ерша».

Въ большинствѣ случаевъ, однако, колядниковъ встарину щедро награждали: кромѣ пироговъ и прочаго съѣстного, раздаваемаго хозяйствами, у оконъ домовъ выставлялись цѣлые упраты съ ромомъ.

Изъ причитаний 19. свадебныхъ, 2. рекрутскихъ и 1 похоронное записаны въ Вологодскомъ, Тотемскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ Вологодской губерніи и только 3 свадебныхъ въ Варнавинскомъ, Кологривскомъ и Кинешемскомъ уѣздахъ Костромской губерніи. Что касается до Вятской губерніи, то въ посѣщеныхъ нами мѣстахъ ея вмѣстѣ съ утратою многихъ подробностей стариннаго свадебнаго обряда, исчезли повидимому и причитанія.

Этотъ родъ поэзіи, извѣстный въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ подъ именемъ причети—въ Вологодской и Костромской губерніяхъ называется причѣтами, или точнѣе—прицѣтами и лишь въ Никольскѣ онъ отмѣченъ названіемъ: плакашки. Всѣ причеты и плакашки записаны исключительно отъ пожилыхъ женщинъ-причетницъ, еще довольно многочисленныхъ въ Вологодской губерніи и очень рѣдкихъ уже въ Костромской, при чёмъ костромская причетница причитаютъ только на одинъ голосъ, т. е. у каждой изъ нихъ для всѣхъ случаевъ имѣется только одинъ напѣвъ.

Въ извѣстныхъ мѣстахъ сложнаго свадебнаго обряда, причетницы произносятъ нѣкоторые стихи гдѣвонъ, т. е. не поютъ, а говорятъ. Такъ, напримѣръ, причетница въ деревнѣ Мумайхѣ, Бабозерской волости, Тотемскаго уѣзда Вологодской губерніи сообщила, что при первомъ выводѣ невѣсты передъ женихомъ говоромъ произносятся слѣдующіе стихи:

Здравствуйте, господа свадебжана!
 Господа, на ноги ставайте,
 Шапоцьки снимайте,
 Намъ поклонъ отдайте;
 Нашего красна золота смотрите,
 Свое чисто серебро кажите.
 Мы люди не бѣдные,
 Давайте намъ денежки не мѣдныя:
 Серебро да бумажки.
 Мы станемъ васъ дарить назадъ
 Платкамъ, краснымъ рубашкамъ.
 Даркі наши примите,
 Невѣстку любите,
 По-матерну не браните!
 Мила какъ наша невѣста,
 За руцьку бери, да за столъ поведи,
 А какъ не мила наша невѣста,
 Даکъ шапоцьки возьмите, да вонъ подите!

Такимъ же гѣвромъ въ Нефедовской волости одна дѣвица произносила очень длинные стихи такъ называемаго «Зайчика». Держа на рукѣ искусно сдѣланное изъ небольшого платка подобіе зайца, особеннымъ движеніемъ этой руки она заставляетъ зайчика прыгать на столъ противъ того, кому причитается, восхвалаля достоинства этого лица и заканчивая стихи обращеніемъ положить на зайчика побольше денегъ.

Гѣвромъ же произносятъ свои безконечные иногда свадебные дрѣжки; въ числѣ ихъ есть болѣе мастера своего дѣла, пользующіеся громкою извѣстностью и за предѣлами своей волости. Съ уменьшеніемъ числа причетницъ выдающаяся роль при свадебномъ обрядѣ переходитъ, повидимому, къ этимъ дрѣжкамъ. При отсутствіи причетницъ въ посвященныхъ нами мѣстностяхъ Вятской губерніи, какъ бы взамѣнъ ихъ, нерѣдко выступали дрѣжки.

Свадебныя пѣсни еще не забываются; во всѣхъ посвященныхъ нами губерніяхъ ихъ поютъ не только пожилыя крестьянки, но и молодыя крестьянскія дѣвицы.

Изъ 49 свадебныхъ пѣсень 14 записаны въ Вологодской губерніи, 17 въ Вятской и 18 въ Костромской.

Хороводныхъ и обрядовыхъ пѣсень на этотъ разъ оказалось гораздо больше, нежели въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой, гдѣ ихъ записано 12. Въ эту экспедицію ихъ собрано 64, причемъ въ Вологодской губерніи—33, въ Вятской—20 и въ Костромской—11.

Хороводъ, судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ его, еще не такъ давно былъ въ обычай мѣстныхъ крестьянъ, особенно въ Вологодской губерніи. Здѣсь сохранилось еще старинное название хороводныхъ пѣсень: «Прежде колодѣнны пѣсни на гуляньѣ были», говорила намъ пожилая женщина въ Кубенской волости.

Наиболѣе же распространенное название пѣсень, распѣваемыхъ на гуляньѣ, при посидѣнкахъ и на бесѣдахъ—пѣсни кареводныя или круговыя. Сохранился еще нѣкоторый порядокъ хоровода; такъ нами записана пѣсня: «первый кружокъ», которая поется для сбора въ хороводъ, отмѣчена и пѣсня непосредственно слѣдующая за первымъ кружкомъ: какъ наберутъ.

Въ большей части этихъ пѣсень соотвѣтствующіе имъ хороводы, однако, не уцѣлѣли, сообщивъ нѣкоторымъ изъ нихъ лишь свои названія; такъ, напримѣръ, записаны пѣсни ковровыя, получившія свое имя отъ хороводнаго танца—ковра вышивать. Дѣйствія хоровода называются игрой. Пѣсню: «Мы вечеръ просу сѣяли, сѣяли» сопровождается игра, состоящая въ томъ, что участники хоровода становятся другъ противъ друга въ два ряда, каждый рядъ поетъ свое колѣно и въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, по требованію пѣсни, дѣвица переходитъ изъ одного ряда въ другой.

Пѣсни плясового характера безъ игры называются крутыми.

Изъ пріуроченныхъ къ праздникамъ въ Вологодской губерніи отмѣчены пѣсни троицкія и особенно многочисленныя — святочныя, по мѣстному произношенію—святѣшныя. Одна изъ такихъ святѣшныхъ пѣсень, подъ названіемъ «кума», сопровождается слѣдующей игрой: повалить на полъ дѣвушку, закроютъ ей фартукомъ глаза, станутъ въ кружокъ и запоютъ медленно: «Здорова ты, кума», и т. д.; вторую часть пѣсни, въ соотвѣтственномъ мѣстѣ, запоютъ весело, запляшутъ кругомъ и «въ долони зацикаютъ», т. е. захлопаютъ въ ладони.

Въ Вятской губерніи отмѣчены лишь рождественскія и троицкія пѣсни. Въ Костромской — хороводныя пѣсни называются круговыми или вѣшными; есть и святѣшныя или бесѣдныя, распѣваемыя на вецирникахъ. Тамъ же записана и единственная масленичная пѣсня.

Что касается до пріуроченныхъ къ полевымъ работамъ, то такихъ удалось записать только двѣ пѣсни: сѣнокосную — въ Вологодской губерніи и помочансскую — въ Костромской.

Изъ 126 протяжныхъ пѣсень 79 записаны въ Вологодской губерніи, въ томъ числѣ 60 бытовыхъ и разбойничихъ, 17 сол-

датскихъ, или вѣрнѣ — воинскихъ, какъ называютъ мѣстные крестьяне, весьма удачно отличая ихъ тѣмъ отъ извѣстнаго пошиба пѣсень, распѣваемыхъ солдатами, и 2 пѣсни тюремныя или, по мѣстному названію, заключеныхъ. Изъ 29 записанныхъ въ Вятской губерніи — 24 бытовыхъ и 5 воинскихъ. На Костромскую губернію приходится 18 протяжныхъ, которая здѣсь называются уже проголосными, изъ нихъ 16 бытовыхъ и 2 воинскихъ.

Въ Костромской губерніи намъ приходилось записывать пѣсни и отъ старообрядцевъ, причемъ замѣчена та своеобразная особенность, что всѣ пѣсни извѣстнаго разряда въ данной мѣстности у нихъ поются только на одинъ напѣвъ, между тѣмъ какъ у православныхъ той же мѣстности для каждой пѣсни имѣется своей отдельный напѣвъ, а потому и происходитъ, что въ одной и той же деревнѣ напѣвы старообрядческие въ огромной массѣ пѣсень совершенно отличаются отъ напѣвовъ православныхъ.

Къ этому краткому обзору собранныхъ материаловъ я позволю себѣ добавить еще нѣсколько народныхъ выражений, относящихся къ пѣсенному искусству, — въ дополненіе къ тѣмъ даннымъ, которыхъ сообщены мною въ отчетѣ о первой пѣсенной экспедиціи.

Пѣсни по мѣстному произношенію всѣхъ трехъ губерній звучать, какъ пісни; пѣвцы или пѣсенники слывутъ подъ именемъ пісельниковъ.

Слову напѣвъ среди пѣвцовъ Вологодской губерніи соответствуютъ: напѣвъ же, голосъ, проглaska и тонъ, причемъ послѣднее, повидимому, съ разными оттенками значенія. Такъ, въ Вологодскомъ уѣзда говорятъ: «онъ тонъ знаетъ», въ смыслѣ: хорошо помнить напѣвъ; въ Сольвычегодскомъ уѣзда въ этомъ случаѣ выражаются: «проглaskу-ту я знаю». Тоны — въ смыслѣ видоизмѣнений напѣва: «Разны тоны напѣвовъ бывають», говорили пѣвцы, когда мы сообщали, что у нихъ эта пѣсня иначе поется, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Выраженіе: въ тонъ противу-полагается выраженію: на пересказъ; причеты намъ предлагали сообщить или въ тонъ, или на пересказъ. Въ Костромской губерніи этому выраженію соответствуетъ: въ голосянку. Говорятъ также: «Эта пісня тяжела на голоса» и «Коляды у насъ на одинъ голосъ поются», точно такъ же, какъ и костромскіе старообрядцы: «Всѣ пісни у насъ на одинъ голосъ», т. е. на одинъ напѣвъ.

Выраженіе: на пересказъ не смыщивается съ выраженіемъ говоромъ: на пересказъ можетъ передаваться то, что обычно

поется, говоромъ же произносятся стихи, вовсе не предназначенные для пѣнія; это своего рода «декламація».

Въ соотвѣтствіе къ прогласкѣ и напѣву удалось отмѣтить и самобытное название для музыкальной мелодіи: шенкурскіе пастухи въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, показывая намъ свое искусство играть на рожкѣ, между прочимъ, сообщили, что «у каждого пастуха своей особой найгрызъ», т. е. своя излюбленная мелодія. Такимъ образомъ для пѣнія существуетъ напѣвъ, для музыки найгрызъ.

С. М. Ляпуновъ записалъ одинъ изъ этихъ своеобразныхъ пастушыхъ найгрызей, привезъ съ собою и рожокъ¹⁾). Для обозначенія медленного напѣва служатъ слова: полѣго, поположе (въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ: отлого, ноотложе); говорятъ также: «протяжнѣе, не торопись». Скорый напѣвъ обозначается, какъ и въ названныхъ губерніяхъ, словомъ круто: «не круто пѣсня поется»; отсюда и пѣсни съ быстрымъ плясовымъ напѣвомъ называются крутыми.

Въ большей части пѣсень известные стихи повторяются по два раза, но есть пѣсни и безъ такихъ повтореній; это послѣднее обозначается выраженіемъ: на проходѣ, т. е. безъ повторенія, какъ въ Тотемскомъ уѣздѣ, или «къ ряду поется», какъ въ Никольскѣ.

Любопытная особенность архангельскихъ и олонецкихъ пѣвцовъ, не понимающихъ, что такое начало пѣсни, и что значитъ спѣть пѣсню сначала, сплющъ примѣняется и къ пѣвцамъ вологодскимъ, вятскимъ и костромскимъ. Слову начало здѣсь соотвѣтствуютъ: конецъ или край: «Съ конца запѣвать?» или «опять съ краю?» спрашивали пѣвицы, когда мы просили ихъ снова повторить всю пѣсню. «Не съ конца сказала», говорить пѣвица, пропустившая первые стихи. «Съ конца-то не знаю», отвѣкивается пѣвецъ, позабывшій начало пѣсни. «Съ краю-то сдумалъ, конецъ-отъ забылъ», горюетъ пѣвецъ, припоминающій старинную дѣдовскую пѣсню.

Такимъ образомъ и здѣсь, по понятіямъ крестьянъ, пѣсня является лишь «о двухъ концахъ» и начала не знаетъ.

Выводы и наблюденія. Итакъ, вотъ въ общихъ чертахъ тѣ остатки старины, которые экспедиціи удалось на этотъ разъ

¹⁾ Въ Яранскомъ уѣздѣ Вятской губ. С. М. Ляпуновъ записалъ найгрызни черемисскихъ гуслей и пузыря.

спасти отъ грозившаго имъ полнаго забвения. Почти все это, какъ уже было замѣчено, приходилось извлекать изъ памяти людей пожилыхъ, пользуясь ихъ доброю на то волею и сочувственнымъ согласиемъ. Въ нынѣшнемъ крестьянскомъ обиходѣ въ посѣщеніи нами мѣстностяхъ такихъ пѣснопѣній, за малыми исключеніями, уже не существуетъ. Исконная русская пѣсня находится тамъ въ несомнѣнномъ упадкѣ. Однако же нынѣшній русскій крестьянинъ безъ пѣсни обойтись не можетъ, а для удовлетворенія этой потребности своей онъ безъ разбора беретъ все то, что такъ щедро и подчасъ заманчиво даетъ ему не всегда привлекательная современность. Пѣсня городская и фабричная, быстро усваиваемая крестьянской молодежью, по легкости своего напѣва и по заманчивости содержанія—почти всегда грубо неприличного и соблазнительного—путемъ отхожаго промысла широко распространилась по лицу русской земли, достигнувъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ ея уголковъ. Легкость напѣва, обыкновенно сопровождаемаго гармоникой, дѣлаетъ эту пѣсню доступной и для тѣхъ—нетронутыхъ еще современною порчей—обитателей патріархальной глупи, которые усваиваютъ пѣсню, на первыхъ порахъ даже не сознавая всей пошлости и грубости ея содержанія.

Къ сожалѣнію, такого рода пѣсни чаше всего можно услышать въ современной деревнѣ.

Пѣсни чисто солдатскаго пошиба пользуются среди крестьянъ также широкимъ распространеніемъ. Гораздо рѣже попадаются пѣсни, которая можно охарактеризовать выраженіемъ: «старыя погудки на новый ладъ» или «новыя погудки на старый ладъ». Это уже какъ бы одна изъ ступеней перерожденія старой пѣсни, съ одной стороны, по напѣву, съ другой—по содержанію. Нерѣдко приходилось мнѣ записывать слова пѣсни старой по своему содержанію, но уже утратившей свое полное значеніе вслѣдствіе замѣнъ старого напѣва новѣйшимъ, не представляющимъ никакого интереса и потому не заслуживающимъ музыкальной записи. Съ другой стороны, записывались иногда пѣсни, сохранившія превосходный старинный напѣвъ, но утратившія уже утратить цѣльность своего содержанія, благодаря новѣйшимъ вставкамъ и замѣнамъ однихъ словъ другими. Наконецъ, были пѣсни, изъ которыхъ многія по началу своему напоминали старую любовную пѣсню, отмѣченную вообще чистымъ поэтическимъ чувствомъ, но изъ дальнѣйшаго приходилось убеждаться, что подъ вліяніемъ но-

въйшихъ въяній онъ успѣли уже принять въ себя черты такъ называемыхъ «эротическихъ» пѣсень, очень мало имѣющихъ общаго со старою русскою любовною пѣсней. Эта ступень перерожденія пѣсни въ музыкальномъ отношеніи представляетъ любопытный матеріалъ для изученія и на него обратилъ свое особенное вниманіе С. М. Ляпуповъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вятской губерніи женщины, утративъ пѣсенную старину и не удовлетворяясь современнымъ характеромъ пѣсни, обращаются къ особаго рода духовнымъ пѣснопѣніямъ, почерпая ихъ изъ Сборника Стефана (?).

Среди крестьянскихъ дѣтей путемъ школы распространяются дѣтскія пѣсенки, заимствованныя изъ специальныхъ сборниковъ, разумѣется весьма мало приспособленныхъ для деревни и далеко не всегда соответствующихъ понятіямъ крестьянскихъ дѣтей. Распѣваются они и стихотворенія, разучиваемыя въ школѣ наизусть, а чаще всего перенимаются отъ взрослыхъ ихъ модныя новинки.

Болѣе всего печальное положеніе пѣсни оказывается, конечно, въ мѣстностяхъ, где населеніе занято отхожимъ промысломъ.

Но забывается старая пѣсня и тамъ, где эта причина, повидимому, не имѣть мѣста: пѣсня тамъ быстро исчезаетъ на ряду съ перемѣнною нравовъ, измѣненіемъ рѣчи и замѣнною крестьянской одежды платьемъ на городской образецъ. Какая причина здѣсь содѣйствуетъ этому—такому явленію? Отвѣтъ на это даль намъ, между прочимъ, одинъ благочинный священникъ, болѣе 25 лѣтъ прожившій въ одномъ изъ древнѣйшихъ поселеній Вологодской губерніи. Съ большимъ сочувствіемъ отнесясь къ цѣли нашего приѣзда, онъ, какъ старожилъ, наперечетъ знающій весь составъ своего благочинія, съ грустью заявилъ, однако, что мы опоздали. Лѣтъ 25 тому назадъ то, чего мы ищемъ, было здѣсь живымъ ключемъ. Но съ тѣхъ поръ все, начиная съ одежды и кончая пѣснопѣніями, успѣло измѣниться настолько, что о быломъ не осталось въ народѣ даже и воспоминанія. Въ прошломъ году скончали послѣднюю старушку, которая могла бы еще что нибудь сообщить. Поразительно быстрое исчезновеніе доброй старинны и замѣна далеко не всегда хорошими новшествами совпали, на его глазахъ, съ тѣмъ временемъ, какъ большая часть мужскаго населенія перебывала на военной службѣ, и это обстоятельство, по словамъ благочиннаго, нужно признать одною изъ виднѣйшихъ причинъ перерожденія деревни.

Такое нежданное, повидимому, указание почтенного очевидца подтверждается, къ сожалѣнію, и напими частными наблюденіями. Какъ въ мои неоднократныя поѣздки по глухимъ мѣстностямъ сѣвера, такъ и въ напи послѣднюю экспедицію неожиданныя и нежелательныя для деревни явленія очень часто объяснялись и присутствіемъ или вліяніемъ отставного служиваго. Поражающія, напримѣръ, въ глухой деревнѣ: пѣсенныи мотивъ вмѣсто какой нибудь прогласки, и даже: «женскій персоналъ» нашего хора—обличали въ говорившихъ недавнихъ воиновъ; кавалеры и барышни вмѣсто парней и дѣвушекъ—въ устахъ нашихъ пѣвицъ; кофты и платья—вмѣсто сарафановъ, которые, по ихъ словамъ, только въ сосѣдней волости носятъ, а у нихъ, «уже не принято»—объяснялись несомнѣнныи вліяніемъ того же источника, откуда исходилъ и «женскій персоналъ».

Все это—выставляемые на видъ признаки образованности въ противоположность грубому деревенскому невѣжеству и разныи старииковскими глупостямъ, которыя заслуживаются лишь презрѣнія и насмѣшки, подлежать искорененію—и искореняются, къ сожалѣнію, усердно и поспѣшно.

И въ самомъ дѣлѣ, что кромѣ насмѣшки и презрѣнія ко всему деревенскому можетъ принести съ собой по возвращеніи въ деревню бывшій прежде крестьянинъ, если съ самыи первыхъ шаговъ и во все время прохожденія службы въ его сознаніи по необходимости устанавливалось лишь прямое противоположеніе добра заправскаго солдата такъ называемому неотесанному музыку...

Какъ человѣкъ бывалый, ловкій и грамотный, онъ безъ труда подчиняеть себѣ въ деревнѣ окружающую среду и въ сознаніи мужицкой неотесанности съ самыми благими намѣреніями стремится къ искорененію ея въ возможно широкихъ предѣлахъ. Но, расшатывая вѣковые устои деревни, онъ, по своему образованію и одностороннему воспитанію, конечно не въ состояніи создать на этихъ развалинахъ что нибудь сильное и положительное...

Я позволилъ себѣ остановиться на этомъ явленіи, глубоко вѣроятъ то, что время и опытъ укажутъ возможность и способы направить этотъ могущественный по своему вліянію на народъ источникъ лишь къ вящему благу русской деревни.

Хорошимъ источникомъ для проведенія добра, безъ сомнѣнія, должна служить и народная школа. Она могла бы быть полезною и для пѣсенниаго дѣла. Если бы уцѣлѣвшіе остатки старины, со-

биравые экспедиціями и объединенные въ особомъ изданіи, разсылались въ сельскія школы, то по крайней мѣрѣ для подростающей крестьянской молодежи они послужили бы добрымъ материаломъ для удовлетворенія несомнѣнно существующей въ народѣ потребности къ пѣнію. Очень многіе изъ этой молодежи съ большимъ интересомъ относились къ пѣснямъ, которыхъ пѣли намъ старики и которыхъ имъ нѣгдѣ было услышать въ другое время. Успѣхъ этой школьнной мѣры усугублялся бы еще тѣмъ обстоятельствомъ, что пѣсни давались бы путемъ книжки, къ которой крестьянская молодежь относится все съ болѣе и болѣе возрастающею вѣрою.

Заключеніе. Заканчивая этимъ мой отчетъ объ этнографической сторонѣ экспедиціи, я позволю себѣ выскажать еще одно краткое замѣчаніе. Отправляясь въ нынѣшнюю поѣздку, я не чуждѣ былъ нѣкотораго опасенія за ея успѣхъ, въ виду того, что не до пѣсенъ будетъ народу въ тяжелое для него время послѣ только что пережитыхъ неурожая и эпидеміи. Но эти опасенія не сбылись. И если экспедиціи удалось посильнѣо выполнить возложенную на нее задачу, то этимъ она прежде всего обязана высокому имени Государя Императора, осчастливившаго экспедицію Своимъ Высочайшимъ соизволеніемъ, а затѣмъ и крестьянамъ, которые своимъ добрымъ и сочувственнымъ отношеніемъ къ намъ и нашему дѣлу доказали, что не однѣми лишь материальными нуждами живетъ истинный русскій крестьянинъ. Ему доступны нужды и болѣе высокія; онъ способенъ понять и опѣнить заботы и о духовной сторонѣ, которая несомнѣнно кроется въ его истыхъ народныхъ произведеніяхъ.

Благодареніе нашимъ пѣвцамъ и благо всѣмъ тѣмъ, кто радиетъ и объ этой духовной сторонѣ русскаго народа подъ высокимъ покровительствомъ всемилостивѣйшаго Радѣтеля и верховнаго Монарха русской земли.

ОТЧЕТЪ С. М. ЛЯПУНОВА.

Въ дополненіе къ сообщенію Ф. М. Истомина я считаю не лишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній болѣе снѣціального свойства, касаясь исключительно музыкальной стороны вопроса.

Ф. М. Истоминъ указалъ отчасти на причины, вслѣдствіе которыхъ старинная русская пѣсня стала исчезать въ народѣ,

на мѣсто же ея стали выдвигаться пѣсни новѣйшей фабрикації, которыя, получивъ преобладающее значеніе, оказали губительное вліяніе и на старинную русскую пѣсню въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она еще сохранилась. Поэтому было бы вообще не безынтересно прослѣдить процессъ самаго перерожденія старинной пѣсни подъ вліяніемъ новѣйшихъ условій.

Въ настоящее время становится особенно замѣтнымъ тотъ фактъ, что позднѣйшіе варіанты старинныхъ пѣсень представляются въ мелодическомъ и ритмическомъ отношеніяхъ менѣе развитыми и страдаютъ примѣсью постороннихъ элементовъ. Эти посторонніе элементы по происхожденію своему могутъ быть раздѣлены на двѣ категории: одна—происхожденія солдатскаго, другая—городскаго.

Русская пѣсня вообще, кромѣ своихъ чисто-мелодическихъ достоинствъ, отличается богатствомъ и разнообразіемъ ритмовъ, причемъ часто встречаются поразительныя и необыкновенныя сочетанія различныхъ ритмовъ въ одной пѣснѣ. Это разнообразіе ритмовъ встречается преимущественно въ пѣсняхъ обрядового характера, тогда какъ въ протяжныхъ пѣсняхъ, какъ лирическихъ, на первый планъ выдвигается мелодическое развитіе музыкальныхъ темъ. Поэтому, когда въ область народной пѣсни вторгается элементъ солдатскій, то, къ какому бы типу ни принадлежала пѣсня, онъ вноситъ неизбѣжно характеръ противорѣчій тому, что создалось въ извѣстной сферѣ пѣсеннаго творчества. Онъ стремится подчинить все разнообразіе естественныхъ ритмовъ народной пѣсни однообразному ритму пошлого характера; ему не свойственна эта свобода, подчасъ капризность чередованія ритмовъ, составляющая одну изъ существенныхъ особенностей пѣсень, въ которыхъ она проявляется, и главную ихъ прелестъ. Кромѣ того, онъ совершенно уничтожаетъ характеръ музыкальной выразительности и лирическаго настроенія, присущій пѣснямъ протяжнымъ, выставляя на первый планъ ритмъ, т. е. именно то, что въ этого рода пѣсняхъ отодвинуто на послѣдній.

Элементъ городской, выразившійся въ пѣсняхъ фабричного или кабацкаго творчества, вносить въ самую мелодическую основу пѣсень характеръ пошлости и тривіальности. Незамѣтными путями, дѣйствуя косвенно на эстетическое чутье народныхъ массъ, онъ, шагъ за шагомъ, завоевываетъ себѣ все большую распространенность, и его движеніе тѣмъ болѣе успѣшно, что идетъ рука объ руку съ развитиемъ элемента солдатскаго. Въ конечныхъ

результатахъ оба эти вліянія сходятся: пошлая мелодія всегда грубо-ритмична, какъ, съ другой стороны, чрезмѣрное предпочтеніе однообразнаго ритма становится пошлымъ. Можно было бы привести массу примѣровъ изъ пѣсень новѣйшей фабрикаціи, гдѣ ритмъ, какой бы онъ ни былъ, съ назойливостью выдерживается въ своемъ однообразіи и часто при отсутствіи какого либо мелодического содержанія.

Такъ какъ сложный ритмъ и богатая мелодія требуютъ для усвоенія своего извѣстнаго напряженія воспринимающихъ способностей, то въ этомъ отчасти и кроется разгадка того успѣха, который имѣютъ теперь въ народѣ солдатскія и городскія пѣсни: пошлая мелодія, состоящая изъ повторенія одной короткой музыкальной фразы, не требующей напряженія ни памяти, ни слуха для усвоенія ея, и при этомъ уложенная въ самомъ простомъ, грубо-отчетливомъ ритмѣ,— по самой легкости усвоенія своего представляетъ большой соблазнъ и понижаетъ общій уровень эстетическихъ требованій, заставляя довольствоваться тѣмъ, что легко и скоро запоминается. По той же причинѣ протяжная пѣсня должна была наиболѣе пострадать отъ вторженія въ ея сферу враждебныхъ ей вышеуказанныхъ элементовъ. Ея широкое мелодическое развитіе на ряду съ новѣйшими немудреными пѣсенками должно казаться слишкомъ трудно воспринимаемымъ и исполнимымъ. Въ то время какъ пѣсни обрядовыя, имѣя сами по себѣ характерныя ритмическія особенности, тѣмъ самымъ представляютъ значительное противодѣйствіе подчиненію ихъ однообразному ритму солдатскаго пописа, протяжная пѣсня вполнѣ открыта для подведенія ея подъ какой-либо однообразный ритмъ, а этимъ путемъ въ ея сферу вторгается и пошлый характеръ городскихъ пѣсень. Независимо отъ этихъ причинъ, заключающихся въ особенностяхъ внутренняго характера пѣсень, протяжная пѣсня подверглась большему искаженію еще потому, что она не находится въ связи съ какими-либо обрядами или обычаями, съ сохраненіемъ которыхъ связывалось бы сохраненіе и пѣсень. Въ этомъ отнопеніи въ наибольшей чистотѣ сохранились свадебныя пѣсни; пѣсни святочныя, масляничныя или троицкія хотя изчезаютъ, уступая мѣсто произведеніямъ фабрикъ и городовъ, но еще встрѣчаются, не смотря на то, обрядовыя игры, съ которыми онѣ были связаны, почти повсемѣстно исчезли.

Наблюденія, сдѣланныя во время экспедиціи прошедшаго лѣта, вполнѣ подтвердили вышеуказанныя замѣчанія относительно иска-

женія протяжной пѣсни. Одинъ случай въ особенности обратилъ на себя мое вниманіе, потому что мнѣ пришлось прослушать двоихъ пѣвцовъ, исполнявшихъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, одну и ту же пѣсню. Пѣсня эта—«сторона-ль моя, сторонка»—по напѣву носить характеръ старинной протяжной пѣсни; мелодія требуетъ обширнаго по объему голоса и по медленности исполненія очень трудна, вслѣдствіе чего пѣвецъ долго отказывался пѣть, говоря, что ее не «вытянешь». Однако, по написанію настоящему онъ пропѣлъ ее довольно порядочно, выдерживая всѣ остановки и «вытягивая». Когда же, чтобы проверить записанное, я попросилъ пропѣть ее еще разъ, и мнѣ предложилъ спѣть другой,—я почти не узналъ этой пѣсни: затрудняясь «вытягивать» голосомъ, онъ прибѣгъ къ совершенно ненужному повторенію одного и того же слова въ тѣхъ мѣстахъ, где слѣдовало протягивать одинъ слогъ; это придавало пѣснѣ подвижность, облегчало пѣніе, и вместо протяжной она дѣлалась похожею на современную «частушку», какъ называются въ народѣ новѣйшія пѣсни.

Упадокъ народнаго музыкальнаго вкуса и творчества можно видѣть также въ необычайномъ распространеніи самаго антимузыкальнаго инструмента—гармоніи. Обладая сомнительной интонацией и бѣдностью аккордовыхъ сочетаній, состоящихъ исключительно въ чередованіи мажорной тоники и доминанты, инструментъ этотъ даетъ возможность безъ труда воспроизводить только несложныя мелодіи новѣйшей фабрикаціи. Онъ какъ будто сочинены для этого инструмента, тогда какъ народная пѣсня, если и исполняется иногда на гармоніи, то неизбѣжно въ искаженномъ видѣ: инструментъ оказывается неспособнымъ воспроизвести всѣ особенности мелодическаго рисунка, не говоря уже о томъ, что неумѣстное чередованіе тоники и доминанты совершенно измѣняетъ характеръ мелодіи, придаетъ ей какъ бы ложный смыслъ. При почти совершенномъ исчезновеніи народныхъ музыкальныхъ инструментовъ такое распространеніе гармоній становится тѣмъ болѣе печальнымъ, такъ какъ ея вліяніе не встрѣчается противодѣйствія въ кое-гдѣ сохранившихся остаткахъ народной инструментальной музыки.

Въ заключеніе я упомяну о тѣхъ народныхъ музыкальныхъ инструментахъ, которые намъ пришлось встрѣтить во время экспедиціи прошедшаго лѣта: о пастушескихъ рожкахъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи и черемисскихъ гусляхъ и пузырѣ въ Яранскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. Рожокъ есть

собственноручное произведение пастуха и состоит изъ двухъ прямыхъ деревянныхъ желобовъ, связанныхъ вмѣстѣ берестою; къ одному концу прикрепленъ раструбъ, выдолбленный изъ цѣльнаго дерева. По бокамъ сдѣлано 6 дырочекъ, соответствующихъ шести тонамъ въ порядкѣ гаммы. Для каждого инструмента пастухомъ сочиняется свой «найгрызъ». Одинъ такой «найгрызъ» мною записанъ, и представляется своеобразную, красивую мелодію. Черемисскія гусли представляютъ пустой трехъугольный ящикъ съ натянутыми на немъ кишечными струнами разной длины. Играютъ обѣими руками, и музика очень примитивна. Пузырь—это прототипъ волынки; двѣ маленькия трубочки, соединенные съ бычачьимъ пузыремъ, который надувается костяной дудочкой.

Въ видѣ образца собранныхъ нами пѣсень прилагаю здѣсь одну изъ протяжныхъ пѣсень Вологодской губерніи. Она положена мною на голоса безъ малѣйшихъ измѣненій основного напѣва и предлагается здѣсь въ томъ видѣ, какъ была исполнена хоромъ въ общемъ собраніи Общества, 10-го марта.

Къ статьѣ гг. ИСТОМИНА и ЛЯПУНОВА.

ОБРАЗЕЦЪ НАПѢВА ПРОТЯЖНОЙ ПѢСНИ
ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

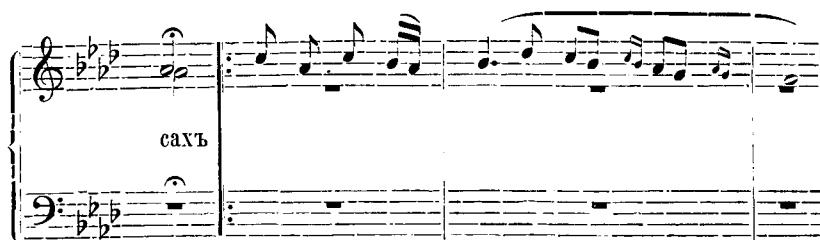
Запѣвъ. Во лѣ - сахъ - то ли бы - ло во дре-

му... Охъ во дре - му - - - - чихъ

Всѣ.

Зашѣвъ.

Бы-ло во лѣ - сахъ - - - - -

сахъ

Всѣ

Бра - ла ли Ма - шень - ка гри - бы

я... гри - бы я - - - - го - ды

гри-бы я - го - ды Ма - ша бра - ла.